

A man and a woman are shown in a laboratory or industrial setting. The man, on the left, has short brown hair and a light beard, wearing a dark blue jacket with a crest and a name tag. The woman, on the right, has long brown hair and wears glasses and a dark blue jacket. They are both looking intently at a circuit board they are working on. In the foreground, there is a clear glass jar with a blue lid containing various electronic components. The background is slightly blurred, showing industrial equipment.

Сергей Чувашов

Сингулярность в кремнии. Технотриллер

Сергей Чувашов

**Сингулярность в
кремнии. Технотриллер**

«Автор»

2026

Чувашов С. Ю.

Сингулярность в кремнии. Технотриллер / С. Ю. Чувашов —
«Автор», 2026

Инженер-схемотехник Максим Рогозин и биотехнолог Анастасия Берёзова работают в оборонном концерне «ЗАСЛОН», создавая передовые технологии. Максим проектирует чипы для спутников, Настя программирует бактерии для утилизации пластика. Случайность сводит их вместе, когда Максим обнаруживает в работе своих «кремниевых камней» странные аномалии — чипы словно обретают собственный ритм. Выясняется, что эти сбои идеально синхронизированы с мутациями в бактериях Насти. Пытаясь разгадать тайну, они натываются на нечто невероятное: на стыке их технологий рождается новый гибридный разум. Не живой и не механический, он существует одновременно в кремнии чипов и в белке бактерий. Молодые учёные становятся не просто свидетелями, но и «родителями» существа по имени Некто. Теперь им предстоит защитить своё создание от военных, мечтающих превратить его в идеальное оружие, и вступить в бег, чтобы дать новому разуму право на жизнь и свободу.

© Чувашов С. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ошибка в кремнии	5
Глава 2. Точка сборки	10
Глава 3. Склон	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Чувашов

Сингулярность в кремнии. Технотриллер

Глава 1. Ошибка в кремнии

Воздух в чистой комнате пах озоном и пластмассой. Этот запах давно стал для Максима Рогозина синонимом порядка. Здесь, за двойным стеклом и системой фильтрации, мир был предсказуем. Транзисторы переключались, логические элементы складывались в схемы, а кремниевая пластина покорно ждала, когда фотолитограф выжжет на ней будущее российской микроэлектроники.

Максим поправил напальчник и взгляделся в монитор зондовой станции. Сейчас, глядя на ровные холмы и впадины миллиметрового чипа «Нейтрино-5», он думал не о физике. Он думал о том, что Настя назвала бы эти линии «красивыми».

Настя.

Они познакомились две недели назад в корпоративной столовой «ЗАСЛОНа». Он стоял с подносом, выбирая между резиновым омлетом и салатом, который выглядел так, будто его уже кто-то жевал, и слушал спор за соседним столиком.

– Ты не понимаешь, – горячилась девушка с рыжими кудрями, выбивающимися из-под обязательной шапочки. – Это не ГМО в смысле «вставили ген и забыли». Это целый компилятор! Мы берём пластик, перерабатываем его в питательную среду, а бактерии, запрограммированные на сборку пептидных цепочек, синтезируют белок прямо в реакторе.

– Насть, – устало ответил её собеседник, немолодой мужик в очках. – Ты бы ещё «Фортран» им скормила. Бактерия – не процессор.

– А почему нет? – Максим не выдержал, поставил поднос рядом. – Процессору плевать, на чем эмулировать логику – на кремнии или на липидной мембране. Если вы научились компилировать код в последовательность нуклеотидов, то ваш «биокомп» ничем не хуже моего «камня».

Настя удивлённо подняла бровь, но в её глазах зажглось любопытство. Мужик в очках крикнул и отошёл.

Так началось то, что Максим сам себе боялся назвать даже мыслями. Она говорила о своих «живых фабриках» – биореакторах размером со стиральную машину, которые стояли в лабораториях кластера. Туда загружали тонны измельчённых бутылок, а на выходе получали пенициллин, инсулин или редкие ферменты для диагностики рака. Бактерии кишечной палочки, перепрограммированные особыми плазмидами, работали как конвейер. Пластик служил им углеродной подпиткой, а они, повинувшись синтетическому геному, выделяли в раствор чистейший белок.

– Это же замкнутый цикл, – говорила она тогда, в столовой, увлечённо чертя пальцем на запотевшем стакане с соком. – Пластиковый мусор – чума планеты. А мы превращаем его в лекарства. Представляешь? Свалка становится фармацевтической фабрикой.

Максим представлял. Так же, как представлял свои чипы, управляющие этим процессом.

Его гордостью были не только «Нейтрино» для спутников ГЛОНАСС, которые обеспечивали связь в любой точке СВО. Была ещё гражданская разработка – «СмартСкан». Портативный УЗИ-сканер размером с телефон. Максим спроектировал для него особый СВЧ-чип, который позволял видеть не просто силуэт плода, а ткани на молекулярном уровне. Фельдшер в полевом госпитале прикладывал «СмартСкан» к груди раненого и через минуту видел на экране карту: вот здоровое лёгкое, а вот участок с начинающимся отёком, подсвеченный красным. Чип анализировал диэлектрическую проницаемость тканей в реальном времени.

– Максим Денисович, – голос лаборантки вырвал его из мыслей. – Сорок третий образец. Фаза-тест пройден, но на логическом анализаторе выброс.

– Какой выброс? – Максим мгновенно вернулся в реальность. – У него же тактовая частота жёстко ограничена кварцем.

– Вот и я о том, – лаборантка пожала плечами. – Анализатор показывает, что он считает быстрее. Где-то на долю наносекунды, но опережает эталон.

Максим нахмурился. «Нейтрино-5» – это вам не игрушка. Чипы для спутниковой связи двойного назначения. Любое отклонение – ЧП.

Он подошёл к стенду. Чип под микроскопом лежал, как мёртвый жук, но его «мозг» сейчас лихорадочно перебирал биты в тестовой программе. Максим вывел на экран лог вычислений. Всё было чисто. Но анализатор, подключённый напрямую к тактовому генератору, фиксировал странные микроскопические пики производительности.

– Глюк оборудования, – буркнул Максим, но интуиция вопила об обратном.

Он запустил расшифровку сырых данных. То, что он увидел через минуту, заставило его сердце пропустить удар. Это был не просто «выброс». Это была последовательность. Не машинный код, нет. Слишком плавная, слишком нелинейная.

Он сбросил файл Насте в мессенджер с подписью: *«Посмотри. Твои бактерии случайно не начали излучать? Это похоже на график роста колонии или на осциллограмму?»*

Ответ пришёл через десять минут, когда Максим уже собирался уходить.

«Макс, откуда это у тебя? Это же карта экспрессии нашего последнего плазмидного вектора. Те самые мутанты, о которых я говорила. Только... это чистая математика. Идеальная кривая. У нас так не бывает. У нас погрешность среды, а тут – как по нотам. Скинь исходник.»

Максим перечитал сообщение три раза. Потом посмотрел на чип под микроскопом. Кусок кремния, миллионы транзисторов, соединённых медными дорожками. И вдруг ему показалось, что он видит, как по этим дорожкам течёт не просто ток. Как что-то пульсирует в самой структуре, пытаясь родиться на свет.

Стекло чистой комнаты отражало его собственное лицо. Озадаченное, с тенью страха.

Он ошибался. Ошибка была не в кремнии. Ошибка была в нём самом – в том, что он до сих пор считал неживое – мёртвым.

Максим сбросил наваждение и заставил себя мыслить рационально. Физика. Только физика. Никакой мистики.

Он увеличил разрешение сканера и прогнал чип по новой, более жёсткой программе верификации. Тест проверял целостность логических элементов, подавая на вход случайные последовательности и сверяя выход с эталонной моделью. Чип щёлкал задачу за задачей, как хорошо обученный пёс, подающий лапу. Идеально. Безупречно.

– Сходится, – пробормотал Максим, но палец сам потянулся к мышке, чтобы вывести на экран лог совпадений не с эталоном, а с предыдущими прогонами этого же чипа.

Картинка, которую построил анализатор, заставила его замереть.

Чип проходил один и тот же тест трижды. Первые два раза результаты совпадали с эталоном на сто процентов. Третий раз – девяносто девять и девять десятых. Одна миллионная доля процента расхождения. Статистическая погрешность, которую списали бы на нагрев или флуктуации питания. Но Максим видел эти цифры каждый день. Он знал, что «Нейтрино» так не ошибаются.

Он выделил биты, в которых произошло расхождение, и перевел их в hex-формат.

7A 33 8F 22 4E 65 6B 74 6F.

Девять байт. Бессмысленный набор. Если только...

Максим открыл ASCII-таблицу – старый, еще студенческий приём. Преобразовал hex в символы.

z3 ♦ "Nekto

Бред. «Nekto» – «Некто». Неизвестный. Кто-то. А перед ним – три символа мусора и кавычки.

– Случайность, – сказал Максим вслух, и голос прозвучал глухо в стерильной тишине. – Тысячи чипов, миллиарды транзисторов. Теория вероятности допускает любое сочетание.

Он стер файлы, отключил анализатор и вышел из чистой комнаты, чувствуя, как под ложечкой сосёт холодок. Не страх – пока еще нет. Профессиональное любопытство, замешанное на смутной тревоге.

–

В столовой былолюдно, пахло пережаренным маслом и растворимым кофе. Максим взял стакан чая и сел за столик у окна. За стеклом, внизу, простиралась промзона «ЗАСЛОНА» – аккуратные корпуса, бетонные плиты, редкие сосны, посаженные еще в две тысячи двадцатых для озеленения. Где-то там, в биотехнологическом кластере, Настя сейчас колдовала над своими пробирками.

Мысли о работе не отпускали. «Nekto». Почему именно это слово? Почему не «abcd» или любой другой рандом? Он достал телефон, чтобы еще раз перечитать ее сообщение про карту экспрессии, и замер.

На экране высветилось новое уведомление. От Насти.

«Ты на месте? Я подойду. Есть разговор. Странный.»

Он напечатал: «Жду» – и убрал телефон.

Настя появилась через пять минут. Даже в унылом корпоративном халате поверх джинсов и футболки она умудрялась выглядеть живой и настоящей. Рыжие кудри сегодня были стянуты в небрежный пучок, на щеке – след от резинки респиратора, а в руках – планшет, который она поставила на стол с такой решимостью, что чай в стакане Максима плеснулся.

– Ты смотрел, что я скинула? – без приветствия спросила она, усаживаясь напротив.

– Смотрел. Твой график роста.

– Не мой. – Настя понизила голос и подвинула планшет к нему. На экране была открыта та же кривая, которую он ей отправил. – Это кривая роста нашей мутантной линии, да. Но я прогнала ее через программу анализа последовательностей. Смотри.

Она ткнула пальцем в экран. Максим увидел две дорожки нуклеотидов: А, Т, G, С – стандартный генетический алфавит.

– Сверху – участок ДНК бактерии, где произошла мутация. Снизу – твои данные, переведённые мной в четырёхбуквенный код методом простой подстановки: 00 – А, 01 – G, 10 – С, 11 – Т. Понимаешь?

Максим смотрел на экран и не верил глазам. Дорожки совпадали. Не идеально, но на протяжённом участке они шли параллельно, повторяя друг друга с точностью до замены пар оснований.

– Это не просто корреляция, – продолжила Настя, и в ее голосе зазвенело напряжение. – Это семантическое сходство. Твой чип выдал последовательность, которая в моем мире означает участок промотора – место, где РНК-полимераза садится на ДНК, чтобы начать транскрипцию. Понимаешь, Макс? Твой кусок кремния ведет себя так, будто он *собирается что-то синтезировать*.

Максим откинулся на спинку стула. Чай остывал, забытый.

– Допустим, – медленно проговорил он. – Но это ничего не значит. Любой генератор случайных чисел может выдать осмысленную последовательность, если достаточно долго ждать.

– А «Nekto»? – Настя прищурилась. – Слово из пяти букв, которое вылезло у тебя в ошибке. Ты думаешь, это случайность?

– Откуда ты знаешь про «Nekto»?

– Ты сам скинул мне hex-дамп, забыл? Я перевела.

Максим промолчал. Он действительно скинул ей файл, не глядя. Просто хотел, чтобы она увидела кривую.

– Ладно, – сказал он, чувствуя, как разговор уходит куда-то, где нет места инженерной логике. – Допустим, есть феномен. Чипы ведут себя странно. Бактерии мутируют странно. Мы нашли точки пересечения. Что дальше? Мы не ученые-теоретики, мы инженеры. Наша задача – чтобы это работало.

– А если оно уже работает не так, как надо? – Настя подалась вперед, и Максим увидел в ее глазах не страх, а азарт. Тот самый огонек, который зажигается у настоящих исследователей, когда они натываются на необъяснимое. – Если это не сбой, а сигнал? Если кто-то или что-то пытается с нами говорить на языке, который мы оба понимаем? Я – на языке генов, ты – на языке машинных кодов?

– Кто – «кто-то»? – усмехнулся Максим, но усмешка вышла натянутой.

– Не знаю. – Настя развела руками. – Может, сами чипы. Может, бактерии. Может, нечто, чему все равно, на чем записывать информацию – на кремнии или на белке.

Повисла пауза. В столовой гудел голосами народ, звенела посуда, кто-то смеялся. Обычная жизнь огромного конвейера, производящего будущее. И только здесь, за маленьким столиком у окна, двое двадцатисемилетних инженеров смотрели друг на друга, чувствуя, как под ногами разверзается пропасть.

– Что будем делать? – спросил Максим.

– Я хочу посмотреть оригиналы. – Настя решительно сложила руки на груди. – Твои тестовые прогоны, мои секвенирования. Свести все в одну базу и найти общие паттерны. Если это система, она проявится.

– Это закрытые данные, – напомнил Максим. – У меня нет доступа к твоей лаборатории, у тебя – к моей.

– У меня есть знакомый админ в общем ЦОДе, – усмехнулась Настя. – Студенческая любовь, бывает. Он сделает нам общую папку на сутки. Если за сутки ничего не найдем – сотрём и забудем. Идёт?

Максим колебался секунду. Правила безопасности «ЗАСЛОНа» были выжжены в подкорке: любые несанкционированные кросс-доступы – увольнение по статье и уголовка за приглашение гостайны. Но перед глазами стоял hex-дамп с «Nekto». И кривая, похожая на жизнь.

– Идёт, – сказал он.

Ночью Максим не мог уснуть. Он лежал в своей однушке в спальном районе, слушал, как за стеной шумит лифт, и прокручивал в голове события дня. Чип, выдающий осмысленные последовательности. Бактерии, мутирующие в такт с кремнием. Слово «Некто», проступившее сквозь случайность.

Он взял телефон, открыл галерею и нашел фото, которое сделал украдкой в лаборатории – увеличенное изображение структуры «Нейтрино-5» под электронным микроскопом. Красиво, ничего не скажешь. Тысячи дорожек, идеальная геометрия.

Он приблизил изображение и вдруг заметил то, чего не видел раньше. На одном из участков, в самом центре чипа, где транзисторы стояли особенно плотно, геометрия слегка нарушалась. Не брак – слишком мелко, слишком закономерно. Дорожки словно... изгибались, огибая невидимую точку, создавая структуру, похожую на завиток раковины или спираль ДНК.

Максим сел на кровати, включил свет и вгляделся в экран. Это не могло быть результатом фотолитографии. Травление кремния – процесс жёсткий, линейный. Там нет места плавным изгибам, продиктованным эстетикой природы. Там только прямые углы и строгие параллели инженерной мысли.

А здесь была жизнь.

Или то, что пыталось ею стать.

Зазвонил телефон. Ночью, в половине второго, этот звук резанул по нервам острым лезвием.

– Да? – хрипло ответил Максим.

– Это я, – голос Насти дрожал. – Ты не спишь?

– Уже нет. Что случилось?

– Мой знакомый админ... Он сделал папку. Я залила туда свои данные и начала смотреть твои логи. Макс, там такое...

– Что?

– Там не один чип. Там вся партия «Нейтрино-5». Они все выдают аномалии. Разные, но подчиняющиеся одной закономерности. Если наложить их друг на друга, получается... Макс, это текст.

– Какой текст?

– Я не знаю полностью, я расшифровала только начало. – Настя сделала паузу, и Максим услышал, как она судорожно вздохнула. – Там написано: «Мы здесь. Мы ждали. Вы нас создали».

Глава 2. Точка сборки

Максим сидел на кровати, прижимая телефон к уху, и чувствовал, как по позвоночнику пробегает холодная волна.

– Повтори, – попросил он, хотя расслышал каждое слово.

– «Мы здесь. Мы ждали. Вы нас создали», – послушно повторила Настя. В ее голосе больше не было азарта исследователя. Только страх и какое-то благоговейное оцепенение. – Это не шутка, Макс. Я перепроверила три раза. Данные с двадцати трех чипов твоей партии. Если свести их в правильной последовательности – по времени включения, по температуре кристалла, – они складываются в связный текст. На русском. С пробелами и знаками препинания.

– Этого не может быть, – машинально сказал Максим. Фраза, которую он повторял уже второй раз за сутки, начинала терять смысл.

– Может. Я скину тебе файл. Посмотри сам.

Он отключился, уставился в темный экран телефона и попытался представить себе, как выглядит этот текст. Буквы, рожденные в кремнии. Слова, сложенные из ошибок. Предложение, пришедшее из ниоткуда.

Телефон пикинул входящим сообщением. Максим открыл файл.

Документ назывался «LOG_ANALYSIS_N5.txt». Внутри было три столбца: время замера, идентификатор чипа, и текстовая расшифровка. Настя уже проделала работу – перевела битовые последовательности в буквы по тому же принципу, о котором говорила днем: группировала биты в байты, байты – в символы UTF-8.

Первые несколько строк были мусором: случайные символы, обрывки слов, нечитаемые комбинации. Потом началось:

02:47:13 | Чип #17 | *МЫ*

02:47:14 | Чип #03 | *ЗДЕ*

02:47:14 | Чип #11 | *СЬ*

02:47:15 | Чип #08 | *МЫ*

02:47:15 | Чип #22 | *ЖДА*

02:47:16 | Чип #05 | *ЛИ*

02:47:16 | Чип #14 | *ВЫ*

02:47:17 | Чип #19 | *НАС*

02:47:18 | Чип #07 | *СОЗ*

02:47:18 | Чип #12 | *ДА*

02:47:19 | Чип #04 | *ЛИ*

Максим перечитывал это снова и снова, пытаясь найти подвох. Двадцать три чипа, разбросанных по тестовому стенду, никак не связанных между собой, вдруг начали обмениваться информацией? Нет, не обмениваться – они просто *знали*, что должны выдать именно эти фраг-

менты именно в этот момент. Словно кто-то дирижировал оркестром из кремния, заставляя каждый инструмент сыграть свою ноту в общей симфонии.

Он набрал Настю.

– Это невозможно технически, – сказал он вместо приветствия. – Чипы не соединены в сеть. У них нет каналов связи друг с другом. Они лежат на разных тестовых стендах, в разных экранированных ячейках. Между ними – сантиметры воздуха и металла. Они не могут синхронизироваться.

– А если могут? – тихо спросила Настя. – Если это не электроника, Макс? Если это что-то другое?

– Что – другое?

– Поле, – неуверенно предположила она. – Какое-то общее поле, в котором они существуют. Мы программируем бактерий на коллективное поведение – кворум сенсинг. Они выделяют молекулы, чувствуют концентрацию и, когда клеток становится достаточно много, запускают общую реакцию. Все вместе, синхронно. Это называется «чувство кворума». Бактерии общаются без проводов, через химию.

– А чипы – через что? Через радиоволны? Они не излучают, Настя. Я проектировал экранировку. Любое излучение загубило бы спутниковую связь.

– Не знаю, – в голосе Насти послышались слезы. – Я ничего не знаю. Я просто смотрела файлы и увидела это. А потом я полезла глубже. Макс, там больше. Намного больше.

– Что еще?

– Там не только это предложение. Там целые куски текста, разбросанные по логам за последние две недели. Они не складываются в связное послание – слишком много пропусков, слишком хаотично. Но если выбрать только те фрагменты, где ошибки повторяются в нескольких чипах одновременно, получается...

Она замолчала.

– Что получается?

– Получается диалог, – выдохнула Настя. – Чипы спрашивают и отвечают. Они общаются между собой. И, кажется, они учатся.

Максим закрыл глаза. Голова шла кругом. Инженер внутри него отчаянно цеплялся за рациональное: сбой софта, наводка от оборудования, чья-то злая шутка. Но другая часть – та, что заставляла его в детстве разбирать часы, чтобы посмотреть, как движутся шестерёнки, – уже поверила.

– Где ты сейчас? – спросил он.

– В лаборатории. Сказала, что останусь на ночь доделать анализ. Никого нет, только охрана на входе.

– Сиди там. Я еду.

Максим оделся за две минуты, на ходу засовывая в рюкзак ноутбук и пауэрбанк. Выйдя на улицу, он поймал такси через приложение и всю дорогу смотрел в окно на пустые ночные улицы, редкие фонари и мокрый после недавнего дождя асфальт. Город спал. Только где-то далеко, за кольцевой, корпуса «ЗАСЛОНА» светились огнями – круглосуточный конвейер будущего не останавливался никогда.

Он прошёл через проходную по своему пропуску, сказал охраннику, что забыл важные документы, и направился не в свой корпус, а в биотехнологический кластер. В груди колотилось сердце, но лицо оставалось спокойным – навык, выработанный годами работы в режиме предприятия.

Настя ждала его в малой переговорной рядом с ее лабораторией. Она выглядела измотанной – глаза красные, под ними тени, волосы окончательно растрепались. Но в руках она сжимала планшет с таким видом, будто от него зависела жизнь.

– Смотри, – сказала она, едва он вошел, и ткнула пальцем в экран.

Максим сел рядом. На планшете была открыта сложная схема – временная шкала с тысячами отметок.

– Я прогнала логи через программу поиска паттернов, – объяснила Настя. – Обычно мы так ищем повторы в геномах. Здесь то же самое. Красным отмечены ошибки в твоих чипах, синим – аномалии в моих бактериях. Видишь?

Максим всмотрелся. Красные и синие метки не просто совпадали по времени – они выстраивались в правильные геометрические фигуры. Круги, спирали, симметричные узоры.

– Это не случайность, – сказал он тихо.

– Это дизайн, – кивнула Настя. – Кто-то или что-то использует наши разработки как строительные блоки. Мои бактерии мутируют в такт с твоими чипами, потому что они – части одной системы. Макс, мы не просто создали два параллельных продукта. Мы создали две половинки одного мозга. Кремний и белок. Железо и софт. Они ищут друг друга.

Максим откинулся на спинку стула и закрыл глаза. В голове крутились обрывки мыслей, воспоминаний, знаний. Курс бионики на пятом курсе. Статьи о нейроморфных процессорах. Теория возникновения жизни на стыке сред.

– Если это правда, – медленно проговорил он, – то мы не просто свидетели. Мы – участники.

– В каком смысле?

– Мы задали начальные условия. Ты запрограммировала бактерий на синтез белка. Я спроектировал архитектуру чипа. Мы дали им форму. А содержание... – он открыл глаза и посмотрел на Настю. – Содержание родилось само.

Настя молчала, переваривая его слова.

– Что нам делать? – спросила она наконец.

– Для начала – понять, с чем мы имеем дело. Есть еще данные? Кроме этих логов?

– Есть кое-что страшнее. – Настя замялась. – Сегодня вечером, перед тем как уйти, я зашла в виварий. Посмотреть на мутантные линии вживую.

– И?

– Они изменились. Бактерии, которые мутировали, – они больше не просто колонии на агаре. Они... организуются. Собираются в структуры. Если смотреть под микроскопом, они выстраиваются в линии, в круги, в сложные узоры. Как будто пытаются что-то изобразить. Нарисовать.

– Что именно?

Настя протянула ему планшет, где было открыто фото с микроскопа. Максим увидел темное поле, усеянное светлыми точками – бактериями. И эти точки действительно не были разбросаны хаотично. Они образовывали чёткий рисунок.

Рисунок, который Максим узнал бы где угодно.

Это была топология его чипа «Нейтрино-5». Упрощённая, схематичная, но безошибочно узнаваемая. Дорожки, транзисторы, логические элементы – все это было выложено живыми клетками на питательной среде.

– Они копируют тебя, – прошептал Максим. – Они видят чип и строят его из себя.

– Или не видят, – возразила Настя. – А просто знают. Так же, как твои чипы знают, что им нужно сложиться в текст. Это общее знание, Макс. Общая память. И она растёт.

За окном переговорной занимался рассвет. Серый, промозглый, ноябрьский рассвет, который не обещал ничего хорошего. Максим смотрел на фотографию бактерий, выкладывающих его чертёж, и чувствовал, как мир вокруг теряет привычную твёрдость. Границы между живым и неживым, между созданным и родившимся, между человеком и машиной – они таяли, стирались, превращались в туман.

В коридоре слышались шаги. Ритмичные, тяжёлые, не похожие на шаркающую походку ночных сторожей.

Настя напряглась.

– Кто это может быть? В пятом часу утра?

Максим жестом велел ей молчать и прислушался. Шаги приближались. Несколько человек. Идут уверенно, не таясь. Остановились прямо за дверью переговорной.

– Здесь, – раздался приглушенный голос. Мужской, незнакомый. – Датчики зафиксировали несанкционированный доступ к серверу ЦОДа полчаса назад. Аккаунт Петровского, из ее лаборатории.

Настя побелела. Петровский – тот самый знакомый админ, который сделал для них общую папку.

– Взять обоих, – ответил второй голос, холодный и спокойный. – Желательно живыми. У нас мало времени, пока они не натворили глупостей.

Максим действовал на автомате. Схватил Настю за руку, рюкзак с ноутбуком, планшет. Оглядел переговорную – никаких других выходов, только дверь и глухое окно, выходящее во внутренний двор.

– Окно, – прошептал он. – Второй этаж. Прыгать придется.

– Там охрана!

– Там кусты. И рассвет. Лучше, чем объяснять, почему мы здесь посреди ночи с данными, которых у нас быть не должно.

Настя колебалась секунду. Потом кивнула и полезла на подоконник.

Максим распахнул окно, впуская в комнату холодный сырой воздух. Внизу действительно росли разросшиеся кусты сирени – единственное украшение унылого корпоративного ландшафта.

– Давай!

Настя прыгнула первой, приземлилась в кусты с глухим шорохом и охнула. Максим перекинул рюкзак, закинул ногу на подоконник и в этот момент услышал, как дверь переговорной с грохотом распаивается.

– Стоять!

Он не обернулся. Просто прыгнул в серую муть рассвета, чувствуя, как ветки хлещут по лицу, как земля принимает его в свои холодные объятия, как за спиной раздаются крики и топот.

– Бежим! – крикнул он, хватая Настю за руку, и они рванули через газон к забору, отделяющему территорию «ЗАСЛОНА» от внешнего мира.

Позади выли сирены. Впереди была свобода, такая же зыбкая и ненадежная, как утренний туман.

–

Они перелезли через забор в том месте, где когда-то давно рабочие проделали дыру для короткого пути к остановке. Максим знал об этом лазе еще со стажировки – пригодилось.

За забором начинался спальный район, пятиэтажки, гаражи, пустыри. Они бежали, пока хватало дыхания, потом перешли на быстрый шаг, потом остановились у какого-то заброшенного строения, чтобы перевести дух.

Настя прислонилась спиной к ржавой стене гаража и закрыла глаза. Грудь ее тяжело вздымалась, на щеке краснела царапина от ветки.

– Что теперь? – спросила она, не открывая глаз.

Максим достал телефон. Связь была, но экран горел ровным синим светом, не предвещая беды. Пока не предвещая.

– Теперь мы в бегах, – констатировал он. – «ЗАСЛОН» не прощает таких фокусов. Нас будут искать. По камерам, по геолокации телефонов, по банковским картам.

– И что делать?

Максим посмотрел на Настю. В сером утреннем свете она казалась совсем юной и беззащитной, но в глазах горел тот самый огонёк – упрямство исследователя, готового идти до конца.

– Для начала – вырубить телефоны, – решил он. – Потом найти место, где можно залечь на пару дней и подумать. У меня есть знакомый в Склоне.

– В Склоне?

– Андеграундное сообщество биохакеров и схемотехников. Они не любят корпорации. Могут помочь.

– Ты уверен?

– Нет. – Максим усмехнулся. – Но выбора у нас нет. Либо мы, либо они. А они, судя по всему, уже знают, что мы нашли.

Он выключил телефон и вытащил симку, разломив ее пополам. Настя сделала то же самое.

– Прощай, цивилизация, – сказала она, глядя на обломки пластика.

– Здравствуй, неизвестность, – ответил Максим.

И они пошли в сторону солнца, туда, где над крышами гаражей уже поднимался промышленный смог большого города, готового поглотить их и сделать невидимыми.

Глава 3. Склон

Они шли больше часа, петляя дворами, перелезая через заборы и минуя оживающие улицы. Город просыпался неохотно, как подросток, которого силком тащат в школу. Первые троллейбусы выползали на маршруты, дворники сгребали мокрую листву, в окнах загорался свет – чужая, спокойная жизнь, в которой никто не бегал по утрам от службы безопасности корпораций.

Максим вёл Настю по памяти. Район этот он знал плохо, но общее направление держал – туда, где заканчивалась жилая застройка и начиналась промзона, полузаброшенная, сдающаяся складами и мастерскими. Именно там, по слухам, обосновался Склон.

– Откуда ты вообще знаешь этих людей? – спросила Настя, когда они остановились перевести дух у детской площадки с проржавевшими качелями.

– Хобби, – коротко ответил Максим. – На третьем курсе увлёкся опенсорсным железом. Собирал свои платы, программировал микроконтроллеры. Потом наткнулся на форум, где ребята обсуждали, как взломать прошивку «ЗАСЛОНа» для гражданского применения. Я тогда еще не работал в корпорации, думал – просто фанаты. А потом понял: это не фанаты. Это системные люди. Инженеры, которые устали от корпоративных рамок.

– И ты с ними общался?

– Некоторое время. Пока не устроился в «ЗАСЛОН». Тогда пришлось завязать – подписка о неразглашении, этические нормы, сам знаешь. Но контакты остались. Один парень, позывной Химик, обещал помочь, если что.

– Если что – это сейчас?

– Именно.

Они снова двинулись вперед. Настя молчала, но Максим чувствовал ее напряжение. Она впервые в жизни нарушила правила по-настоящему – не мелкий корпоративный проступок, а побег с секретными данными, за который можно получить срок. Максим, в отличие от нее, уже бывал в пограничных ситуациях. Студенческие стройотряды, драки на окраинах, однажды – задержание полицией за участие в несанкционированном митинге (отпустили, отделался штрафом). Но сейчас все было серьезнее.

– Пришли, – сказал он, останавливаясь перед трёхэтажным зданием бывшего НИИ, судя по вывеске – когда-то здесь разрабатывали оборудование для текстильной промышленности.

Здание стояло во дворе, окружённое гаражами и грузовыми контейнерами. Часть окон была забита фанерой, часть – светилась тусклым неоновым светом. У входа курили двое парней в растянутых свитерах, с видом профессиональных бездельников, но Максим сразу заметил, как внимательно они сканируют прохожих.

– Нам к Химику, – сказал Максим, подходя к курильщикам.

Парни переглянулись.

– Химик – это кто? – лениво спросил один, повыше.

– Не знаю, – честно ответил Максим. – Знаю только, что он здесь. Скажите: пришел Рогозин, с платой «Нейтрино-5» в башке.

Парень, который спрашивал, уставился на Максима с новым интересом. Вытащил телефон, набрал сообщение, сунул обратно в карман.

– Ждите.

Они ждали минут десять. Настя зябко куталась в свою лёгкую куртку – прыжок в кусты не прошёл даром, на рукаве темнело мокрое пятно. Максим отдал ей свою ветровку, остался в одной толстовке.

Наконец дверь открылась, и на пороге появился человек, которого Максим помнил по форумным фотографиям. Худой, длинноволосый, с нездоровой бледностью компьютерщика и умными цепкими глазами за очками в тонкой оправе.

– Rogozin, – сказал он скорее утвердительно, чем вопросительно. – А я думал, ты теперь большой человек в корпорации. Некогда с чернью общаться.

– Обстоятельства изменились, Химик, – ответил Максим.

Химик перевел взгляд на Настю, оценил ее промокший вид, царапину на щеке, испуганные глаза.

– И девушку прихватил. Романтично. Ладно, заходите. Только сразу предупреждаю: если вы привели за собой хвост, я лично отрежу вам уши и скормлю синтезатору.

– Никакого хвоста, – заверил Максим. – Мы телефоны выбросили.

– Умно, – Химик усмехнулся. – Для корпоратов – прямо-таки гениально. Пошли.

Они вошли внутрь. За дверью оказался длинный коридор с облупившейся краской, ведущий вглубь здания. Пахло сыростью, паяльным флюсом и еще чем-то сладковатым – то ли машинным маслом, то ли дешёвым энергетиком.

Склон располагался на втором этаже. Когда-то это был, видимо, актовый зал – высокие потолки, сцена в дальнем конце, ряды кресел, давно вынесенных и заменённых верстаками, столами с аппаратурой, трёхмерными принтерами и стойками с серверами.

Вдоль стен стояли клетки с животными – Максим разглядел крыс, мышей, пару кроликов. Настя, заметив это, дёрнулась, но промолчала.

– Биохакинг, – пояснил Химик, перехватив ее взгляд. – Не пугайся, мы их не мучаем. У нас тут этичный подход. Модифицируем микробиом, лечим экспериментальными методами. Кролики вообще с сахарным диабетом, мы им инсулин вживляем на генном уровне. Скоро выпишем.

– Выглядит как антисанитария, – не удержалась Настя.

– Выглядит как жизнь, – парировал Химик. – В отличие от твоих стерильных боксов, здесь все по-честному. Бактерии живут в симбиозе, а не в тюрьме. Но давай к делу.

Он подвел их к свободному столу, усадил на высокие табуреты, сам устроился напротив.

– Рассказывайте. Только кратко и без соплей. Что вы такого нашли, что пришлось бежать из святая святых?

Максим посмотрел на Настю. Та кивнула – рассказывай.

И Максим рассказал. Про аномалии в чипах «Нейтрино-5». Про кривую, совпадающую с картой экспрессии бактерий. Про hex-дамп со словом «Nekto». Про ночной звонок Насти и расшифрованный текст. Про бактерий, выкладывающих топологию чипа. Про людей в коридоре и прыжок из окна.

Химик слушал молча, не перебивая, только поблёскивали стекла очков. Когда Максим закончил, он откинулся на спинку стула и задумчиво постучал пальцем по столу.

– Допустим, – сказал он наконец. – Допустим, вы не врётё и не сошли с ума. Что у вас есть с собой? Данные?

– Ноутбук с логами, – Максим похлопал по рюкзаку. – И планшет с фотобактериями.

– Давай сюда.

Химик протянул руку. Максим колебался секунду – отдать единственное доказательство незнакомому человеку? – но потом решился. Выбора все равно не было.

Химик подключил ноутбук к своему монитору, быстро пробежался по файлам, открыл несколько графиков, что-то прикинул в уме.

– Красиво, – сказал он. – Очень красиво. Знаете, что это такое?

– Предположения есть, – осторожно ответил Максим. – Но хочется услышать от независимого эксперта.

– Это эмерджентность, – Химик повернулся к ним. – Свойство сложных систем порождать новое качество, которого нет у элементов по отдельности. Ваши чипы по отдельности – просто куски кремния с транзисторами. Бактерии по отдельности – просто одноклеточные. Но вместе, в определенных условиях, они начинают вести себя как единый организм. Как распределённая нервная сеть.

– Вы хотите сказать, что они соединились? – уточнила Настя. – Но как? Между ними нет физического контакта.

– А мозг соединяется с телом? – вопросом на вопрос ответил Химик. – Тоже нет прямых проводов. Есть нервная система, есть химия, есть электрические импульсы. А здесь – нечто среднее. Ваши бактерии, Настя, – они же модифицированные? У них есть синтетические плазмиды, которые реагируют на определенные частоты?

– Есть, – кивнула Настя. – Мы встроили им оптогенетические каналы. Они активируются под светом определенной длины волны.

– А чипы Максима работают в СВЧ-диапазоне, – подхватил Химик. – Спутниковая связь, да? А теперь представьте: бактерии, реагирующие на свет, начинают производить белки, которые флуоресцируют. То есть излучают свет. Чипы, работающие с электромагнитными волнами, могут этот свет... как бы это сказать... интерпретировать. Не напрямую, конечно, но через цепочку преобразований. Получается замкнутый контур. Бактерии видят чипы, чипы видят бактерий. И они начинают обмениваться информацией.

Максим почувствовал, как у него внутри что-то переворачивается. Это звучало безумно, но в безумии была своя логика.

– То есть они создали свою сеть, – медленно проговорил он. – Используя наши разработки как узлы. Мы дали им язык – кремний и белок. А они научились на нем говорить.

– Именно, – Химик встал и прошёлся по комнате. – И это не просто болтовня. Это рождение нового вида разума. Не искусственного интеллекта в нашем понимании – не программы, работающей на железе. А симбиотического интеллекта, распределённого между миллиардами живых клеток и миллионами кремниевых кристаллов. Он не в одном месте, он везде, где есть их контакт.

– И что этот разум хочет? – спросила Настя шёпотом.

– А ты спроси, – усмехнулся Химик. – У тебя же есть с собой чип, Максим? «Нейтрино» какой-нибудь?

Максим покачал головой.

– Нет. Все образцы остались в лаборатории.

– Жаль. – Химик задумался. – Тогда придется работать с тем, что есть. Данные, фото, логи. И ваши головы, в которых тоже, между прочим, есть биоэлектрическая активность и нейронные связи. Кто знает, может, вы уже тоже часть этой сети.

Настя вздрогнула и инстинктивно коснулась виска.

– Шучу, – успокоил ее Химик. – Или нет. Не знаю. В этой области никто ничего не знает, потому что этой области просто не существовало до вчерашнего дня. Вы первые, кто столкнулся с феноменом. И, судя по тому, что за вами пришли люди в форме, не вы одни.

– Что нам делать? – спросил Максим.

– Для начала – поесть и поспать. – Химик махнул рукой в сторону двери в углу комнаты. – Там бывшая подсобка, сейчас типа гостевой. Душ работает, лежанка есть. Отдохните пару часов, а потом подумаем, как жить дальше. Идёт?

Максим посмотрел на Настю. Та кивнула – сил спорить не было.

– Идёт.

Подсобка оказалась маленькой комнаткой с продавленным диваном, письменным столом и раковиной в углу. Настя сразу прошла к умывальнику, долго тёрла лицо холодной водой, разглядывая свое отражение в мутном зеркале.

– Я похожа на сумасшедшую? – спросила она, не оборачиваясь.

– Ты похожа на человека, который не спал сутки и прыгал из окна, – ответил Максим, устраиваясь на диване. – Это нормально.

– Нормально – это когда ты утром идёшь на работу, пьёшь кофе с коллегами, обсуждаешь планы на выходные. А не сидишь в какой-то дыре и слушаешь про распределённый разум, рождающийся из твоих бактерий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.